

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Козлова Александра Алексеевна

**ДЕЛИ В ЭПОХУ ПОЗДНИХ МОГОЛОВ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (Новое время)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Бочковская Анна Викторовна**
кандидат исторических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Ванина Евгения Юрьевна**
доктор исторических наук,
ФГБУН «Институт востоковедения Российской академии наук», главный научный сотрудник
Центра индийских исследований

Рыжакова Светлана Игоревна
доктор исторических наук,
ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им.
Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», ведущий научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований

Демичев Кирилл Андреевич
кандидат исторических наук, доцент,
Нижегородский институт управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», заведующий кафедрой гражданского права и процесса

Защита диссертации состоится «__» _____ 20__ г. в ____ часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.04 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: Москва Ломоносовский проспект, 27, корп.4 Шуваловский. Ауд 416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/97886089>

Автореферат разослан «__» _____ 20__ г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. В начале XVIII в. Могольская империя и ее блистательная столица Дели вступают в новую фазу своей истории. После смерти падишаха Аурангзеба (пр. 1658–1707), последнего из Великих Моголов, начался быстрый закат государства. События, последовавшие за кончиной правителя, негативно сказались на авторитете Моголов: значительно сократилась территория могольских владений, а сам Дели стал очагом политических разногласий и споров. Многие наместники стремились обрести независимость и выйти из-под контроля правителя Дели. Роль «регентов» и влиятельных *вазир*ов, свергавших с делийского престола падишахов по своей прихоти, наглядно свидетельствовала о конце владычества Великих Моголов. Несмотря на некоторые периоды относительной политической стабильности государства и позитивных перемен в сфере культуры – в частности, при Мухаммад-шахе Рангиле (1719–1748), Акбар-шахе II (1806–1837) и Бахадур-шахе II (1837–1857) – процесс распада империи Поздним Моголам предотвратить не удалось. В то же время могольский падишах, чья резиденция располагалась в Красном форте в Дели, оставался живым олицетворением имперского центра вплоть до 1857 г.: после захвата Дели в ходе Сипайского восстания (1857–1859) и низложения Бахадур-шаха II англичане объявили о ликвидации Могольской империи.

Одновременно с упадком и дезинтеграцией империи в XVIII – первой половине XIX вв. должно было бы померкнуть и величие ее столицы, однако говорить о полной деградации Дели в период правления Поздних Моголов и потере городом статуса символа власти не приходится. Влияние Дели из сферы административно-практической перешло в сферу символическую: в рассматриваемый период город по-прежнему олицетворял собой могольское присутствие в Северной Индии и оставался законодателем мод в формировании сложносоставной / композитной культуры Индостана.

В диссертации ставится вопрос о соотношении темпов упадка Могольской империи и форм его проявления с аналогичными процессами и явлениями в жизни имперской столицы. Исследование различных аспектов функционирования столичного города в позднемогольскую эпоху позволяет уточнить и переосмыслить

представления о специфике кризисных тенденций в Могольском государстве на последнем этапе его существования.

Актуальность темы исследования определяется вниманием востоковедов – прежде всего, зарубежных – к новой и новейшей истории Индии, к исторической роли мусульманской общины в жизни страны, а также – в контексте городских исследований (city / urban studies) – к статусной роли городов на критических этапах истории государства. Большая часть существующих на сегодняшний день исследований, касающихся эпохи Нового времени в Индии, посвящена анализу причин упадка империи Великих Моголов и доказательствам неизбежности этого процесса, а также вопросам британского колониального присутствия на территории Южной Азии и взаимодействия англичан с местными элитами. Обращение к вопросам социокультурного развития столичного города в XVIII – первой половине XIX вв. способствует лучшему пониманию проблем, приведших к распаду Могольской империи и неуклонному росту зависимости могольских правителей от англичан.

Научная новизна и оригинальность. Рассматриваемая в диссертации тема – осмысление процесса упадка некогда великой империи через историю столичного города – оставалась вне поля зрения отечественных и зарубежных востоковедов. В отличие от предшествующих исследований, в большинстве своем посвященных политической истории Дели или отдельным аспектам культурного развития города, данная работа фокусируется на комплексном анализе социальных и культурных аспектов жизни Дели в указанный период. Кроме того, в работе исследуются особенности восприятия некогда великой столицы современниками-иностранцами, и такой ракурс представляет особую значимость в контексте эмоционального «поворота» в исторических исследованиях и в других гуманитарных науках; это направление исследований в отечественном востоковедении находится в зачаточном состоянии.

Работа написана на основании широкого круга источников; некоторые из них не вводились в научный оборот отечественными исследователями и остаются слабо изученным в мировой индологии. Таким образом, настоящая диссертация призвана восполнить пробел в российской и зарубежной индологии в отношении заявленной проблематики. Работа представляет собой самостоятельное

исследование, основывающееся на разноплановых источниках на английском и восточных (хинди, урду, фарси) языках.

Объектом диссертационного исследования является могольская столица – Дели – в эпоху правления Поздних Моголов (XVIII – первая пол. XIX вв.). В исследовании под топонимом Дели понимается не только Шахджаханабад, выстроенный по приказу падишаха Шах-Джахана (пр. 1627–1658) в середине XVII в., и известный сегодня как «Старый Дели», но и его близлежащие окрестности, а также исторические «городки» Дели (Индрапрастха, Лал Кот, Туглакабад, Джаханпанах, Ферозабад, Динпанах, Дил Шер-Шахи, Шахджаханабад и др.), представленные поселениями, которые основывали различные правители, в том числе и в домогольскую эпоху.

Предметом исследования является социокультурная специфика Дели XVIII–XIX вв. как столицы империи, находившейся в стадии упадка. Особенности социокультурного развития столичного города (проблемы численности населения, взаимоотношений горожан и города, повседневной жизни делийцев, культурное развитие столицы и др.) рассматриваются в связке с анализом внутренней политики могольских правителей в рассматриваемый период.

Особое внимание в работе уделено могольским садам, которые исследуются как неотъемлемая часть повседневной жизни правителей Дели: анализируя место садово-архитектурных комплексов в Дели и их состояние на разных этапах истории города, можно судить об изменениях, происходивших в жизни столицы и империи в целом.

Цель исследования состоит в том, чтобы, опираясь на сведения разноплановых источников, составить представление о том, какое место столичный город Дели занимал в жизни как самих Поздних Моголов, так и других субъектов некогда обширной Могольской империи; определить, как в интересующий нас период столица империи осмысливалась современниками – местными и чужеземными; а также выявить ключевые социокультурные индикаторы состояния столичного города в позднемогольскую эпоху.

Для осуществления поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

– охарактеризовать политическую ситуацию в государстве Поздних Моголов

(XVIII – первая половина XIX вв.); проанализировать взаимоотношения правителей Дели с их приближенными (министрами, регентами);

– рассмотреть особенности социально-экономического развития Дели в позднемогольскую эпоху (динамику городского населения, специфику этнорелигиозного состава делийцев, особенности ремесленного производства и торговли);

– проанализировать особенности визуального и чувственно-эмоционального восприятия Дели иностранными путешественниками, посетившими Северную Индию и столицу Могольского государства в рассматриваемый период;

– проследить изменения, происходившие в культурной жизни Дели на фоне политического упадка Могольской империи, и охарактеризовать влияние столицы на специфику культурной жизни в других городах империи;

– выявить роль садово-архитектурных комплексов (могольских садов) в истории Дели и исследовать их в качестве индикатора состояния Могольской империи.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1707 по 1857–1859 гг. При выборе хронологических рамок учитывались как внутренние процессы, протекавшие в Могольской империи, так и события, происходившие за ее пределами и повлиявшие на изменение политической ситуации в империи Моголов. За нижний временной рубеж взят год смерти падишаха Аурангзеба (пр. 1658–1707) после кончины которого начался упадок империи и ослабление могольских правителей Дели. Верхняя хронологическая граница исследования (1857–1859 г.) определяется свержением последнего могольского правителя Бахадур-шаха II (пр. 1837–1857), поражением Сипайского восстания 1857–1859 гг. и формальной ликвидацией Могольской империи англичанами.

Теоретико-методологическая основа исследования определяется обширным спектром рассматриваемых в нем проблем и хронологическим диапазоном. Исследование строится на использовании общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, обобщение и др.) в неразрывной связи со специальными методами, применяемыми в исторической науке. Ключевым научным принципом диссертации является принцип историзма, предполагающий конкретно-исторический системный анализ рассматриваемых

явлений и процессов. Структура и логика исследования определялись применением сравнительно-исторического и историко-генетического методов. Принцип комплексного изучения социокультурных процессов в контексте исторического исследования позволяет использовать некоторые подходы, актуальные для других обществоведческих дисциплин, в частности, культурологии, социологии, этнологии, культурной антропологии.

Общетеоретическая база диссертации строится на концепциях отечественных и зарубежных исследователей, рассматривающих историю в качестве науки об общественном развитии. Особую значимость для диссертанта в связи с этим имеет концепция «тотальной истории» (школа «Анналов»), предполагающая переход от «повествовательной» истории к истории «проблемной» и использование достижений смежных наук (географии, этнологии и других) при проведении исторических исследований.

Вторая группа общетеоретических трудов объединяет работы историков и культурологов, исследовавших базовые категории культуры, которые позволяют оценить специфику ментальности людей, представляющих исследуемую эпоху. Особенно важными здесь представляются разработка концепций хронотопа (работы М.М. Бахтина, А.Я. Гуревича, Д.С. Лихачева) и гетеротопии (М. Фуко).

Третья группа трудов касается городских исследований (city / urban studies) и, в частности, исторической урбанистики, где для диссертанта методологически значимо понимание города как социокультурного явления исторического процесса. Это работы М. Вебера, Ф. Броделя, а также авторов, представляющих чикагскую школу социологии, прежде всего Э. Берджесса и Р. Парка.

В четвертую группу работ, составивших теоретическую базу диссертации, следует выделить исторические исследования, содержащие важные заключения по общим и более частным проблемам развития южно-азиатского субконтинента и – в особенности – по городской проблематике. На теоретическую составляющую диссертации оказали влияние концептуальные положения, содержащиеся в трудах отечественных и зарубежных востоковедов – историков и искусствоведов: Л.Б. Алаева, К.З. Ашрафян, Е.Ю. Ваниной, В.И. Павлова, А.А. Суворовой, С. Чандры, Р.Ш. Шармы.

Теоретическая значимость диссертации, сделанных в ней оценок и выводов заключается в том, что она может быть использована для более глубокого понимания и объяснения процессов, происходивших как в Могольском государстве, так и за его пределами в XVIII – первой половине XIX вв. Проведенное исследование способствует лучшему пониманию особенностей упадка Могольской империи и изменений в расстановке сил на индийском субконтиненте в рассматриваемый период.

Практическая значимость диссертации. Полученные в ходе исследования выводы могут быть применены как в обобщающих научных трудах, так и в узкоспециализированных работах, посвященных вопросам могольской истории и культуры. Содержащийся в исследовании материал может быть привлечен при написании работ по истории и культуре стран Южно-Азиатского региона, а также в учебных пособиях и лекциях по истории стран Азии и Африки.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Комплексное изучение истории Дели – с учетом специфики социокультурного развития столичного города – необходимо для более глубокого осмысления факторов, предопределивших упадок и ликвидацию Могольской империи в середине XIX столетия.
2. Несмотря на негативные тенденции в политическом развитии империи XVIII – сер. XIX вв., Дели оставался символом власти для падишахов и многочисленных претендентов на могольский престол; город оставался законодателем мод в формировании сложносоставной культуры Индии. Таким образом, в культурной жизни Дели не происходило единовременной и/или резкой деградации на фоне линейно нараставшего политического упадка империи.
3. Садово-архитектурные комплексы (могольские сады) можно рассматривать в качестве индикатора состояния Могольского государства.
4. Эволюция садово-архитектурных комплексов Дели отражает перемены, имевшие место в политической, экономической и культурной жизни позднесредневековой империи.

Степень достоверности и обоснованности проведенного исследования подтверждается привлечением большого круга разноплановых источников при изучении заявленной проблематики. Автором был проанализирован и критически

осмыслен обширный фактологический материал, содержащийся в первоисточниках, а также имеющаяся литература по теме диссертации.

Характеристика использованных источников

Источники, на которые опирается настоящее исследование, можно разделить на несколько групп: 1) сочинения типа *тарих* и мемуары могольских правителей; 2) исторические сочинения XVIII – первой половины XIX вв.; 3) записки и свидетельства иностранных путешественников, прежде всего европейцев, посетивших Индию в XVIII–XIX вв.; 4) британские статистические данные и справочники. Помимо этого, при написании диссертации использовались иллюстративные материалы (прежде всего, произведения могольской миниатюрной живописи), а также литературные произведения.

Сочинения типа *тарих* и мемуары могольских правителей.

Для исследования истории и некоторых социокультурных аспектов жизни столичного города (в частности, хронотопа садово-архитектурных комплексов / могольских садов Дели) привлекались материалы эпохи Великих Моголов. В их число, прежде всего, входит «Бабур-наме» (перс. *بابر نامه*, «Записки Бабура»)¹ – мемуары или «дневник» основателя империи Захир-уд-дина Мухаммад-шаха Бабура (пр. 1526–1530). Время правления Хумаюна (пр. 1530–1540, 1555–1556) находит отражение в сочинениях «Хумаюн-наме» (перс. *همایون نامه*, «Книга Хумаюна»)² авторства Гульбадан-бегам и «Тазкират-ал вакият» (перс. *تذکره الوقعات*, «Действительное жизнеописание»)³ Джоухара Афтабчи.

Об эпохе правления императора Акбара (пр. 1556–1605) подробно повествует труд «Айн-и Акбари» (перс. *آئین اکبری*, «Зеркало Акбара»)⁴;

¹ Бабур-наме. Записки Бабура. Отв. ред. С.А. Азимджанова. Пер. М. Салье. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1958.

² *Gul-Badan Begam* (Princess Rose Body). The History of Humayun (Humayun-Nama). Tr. by Beveridge Annet S., M.R.A.S., with Introduction, Notes, Illustrations and Biographical Appendix; and reproduced in the Persian from the only known MS. of the British Museum. London: Royal Asiatic Society, 1902.

³ The Tezkereh Al Vakiāt, or Private Memoirs of the Moghul Emperor Humāyūn, Written in the Persian Language by Jouher, a confidential Domestic of His Majesty. Trans. By Stewart C. London: Printed for the Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, MDCCCXXXII [1832].

⁴ *Allami Abu'l-Fazl*. Akbarnama, 3 vols. Persian text ed. H. Blochmann. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, 1877–86. Trans. H. Beveridge. 1902–39; rpt. Delhi: Ess Publications, 1973;

составляющий часть намного большего по объему произведения «Акбар-наме» (перс. اکبر نامه, «Книга Акбара») авторства Абу-л Фазла Аллами. Сочинение «Тузук-и Джахангири» / «Джахангир-наме» (перс. جهانگیر نامه / تذکر جهانگیری, «Мемуары Джахангира»)⁵ – книга воспоминаний императора Джахангира (пр. 1605–1627) была создана по образцу «Бабур-наме», однако в своих мемуарах Джахангир уделяет больше внимания вопросам культуры и искусства. Три десятилетия правления Шах-Джахана представлены *тарихом* «Шах-Джахан-наме» (перс. شاه جهان نامه, «Книга Шах-Джахана»)⁶ авторства Инаят-хана.

Исторические сочинения XVIII – первой половины XIX вв.

Для исследования истории Дели в эпоху Поздних Моголов особую ценность представляют исторические сочинения, которые не относятся к категории «имперских» хроник, хотя некоторые из них также именуются *тарихами*.

«Тарих-и Муфаззали» (*Tārīḥ-i Mufazzzālī* / «История Муфаззали») авторства Муфаззал-хана⁷ повествует о ранних могольских правителях, но также включает сведения о правлении в Дели Фаррух-Сийара (1713–1719); сочинение было завершено ок. 1740 г.

«История Индии» (перс. سیر المتأخرین, «Манеры современников»)⁸ Сайида Гхолама Хоссейн-хана (1727/28–1797/98), составленная в стиле мемуаров, описывает времена правления нескольких позднемогольских падишахов, начиная 1707 г. Особый интерес для диссертационного исследования представляют сведения автора о правлении в Дели Мухаммад-шаха (1719–1748) и его отношениях с братьями-сайидами, о вторжениях правителей Надир-шаха и Ахмад-шаха Абдали в Северную Индию в XVIII в.

Allami Abu-l Fazl. The Ain-i Akbari. Translated from the Original Persian by Blochmann H. and Colonel H.S. Jarett. Calcutta: Baptist Mission Press, 1873–1907, 3 vols.

⁵ The Jahangirnama. Memoirs of Jahangir, Emperor of India. Tr. and ed. by W.M. Thackston. Washington: OUP, 1999.

⁶ The Shah Jahan Nama of 'Inayat Khan. An abridged history of the Mughal Emperor Shah Jahan, compiled by his royal librarian. The nineteenth-Century manuscript translation of A.R. Fuller. Edited and Completed by W.E. Begley and Z.A. Desai. Delhi: OUP, 1990.

⁷ Mufazzal Khan. *Tārīḥ-i Mufazzzālī* // Elliot H. M., Dowson J. The History of India as Told by its Own Historians. The Muhammadan Period. London: Trübner & Co, 1877, vol. VII. P. 141–144.

⁸ Seid Gholam Hossein Khan. *Seir Mutaqherin or View of Modern Times*. Trans. by Noma-Manus. Calcutta, [1902?]. Vols I, III.

Несколько значимых сочинений посвящены непосредственно иранскому правителю Надир-шаху, оставившему заметный след в истории Дели. Так, в персидской хронике «История жизни Надир-шаха»⁹ содержатся данные о захвате им могольской столицы в 1739 г. и о последствиях этого вторжения для города. Другое историческое сочинение, «Записки Ходжи Абдулкерима»¹⁰, также приводит сведения о падишахе Мухаммад-шахе и о разграблении города Надир-шахом.

Особую важность для диссертационного исследования представляют два разноплановых исторических сочинения XVIII – первой половины XIX вв.: «Муракка-е Дели» (урду *مرقع دہلی*, «Делийский альбом»)¹¹ летописца Даргаха Кули-хана (1710–1766) и «Асар-ул-санадид» (урду *آثار الصنادید*, «Великие памятники»)¹² мусульманского просветителя Сайида Ахмад-хана (1817–1898). Эти материалы в отечественной индологии впервые вводятся в научный оборот; они малоизвестны в мировой индологии.

Совершенно иной тип источников представляют собой записки и свидетельства путешественников, позволяющие взглянуть на состояние могольского государства и его столицы «извне», т.е. глазами иностранцев, посетивших индийский субконтинент и, в частности, Северную Индию и Дели, в XVIII–XIX вв. В рассматриваемый период появляется достаточно много источников подобного типа. Их авторы занимали разные должности, принадлежали к разным слоям общества и, соответственно, обращали внимание на разные нюансы историко-культурной среды города.

⁹ The History of the Life of Nader Shah, King of Persia. Extracted from an Eastern Manuscript, with an Introduction, and an Appendix, by William Jones, Esq. London: Printed By J. Richardson, 1773.

¹⁰ The Memoirs of Khojeh Abdulkurreem, a Cashmerian of Distinction. Translated from the Original Persian, by Francis Gladwin, Esq. London: Printed By J.S. Barr, 1788.

¹¹ درگاہ قلی خان. مرقع دہلی. فارسی متن اور اردو ترجمہ. نئی دہلی: انجمن ترقی اردو (ہند). ۱۹۹۳. (Даргах Кули-хан. Муракка-е Дели. Фарси матан аур урду тарджума / Делийский альбом. Персидский текст и перевод на урду) (на урду и фарси). Нью-Дели: Анджуман-е таракки-е урду. 1993.

¹² سر سید احمد خان. آثار الصنادید. دہلی: سنٹرل بک ڈپو، ۱۹۶۵. (Сэр Сайид Ахмад-хан. Асар-ул-санадид / Великие памятники) (на урду). Дели: Сентрал Бакдипу. 1965.

В записках французского аристократа Жана Ло де Лористона (1719–1797) «Воспоминания о Могольской империи. События 1757–1761 гг.»¹³ приводятся данные об административном устройстве Могольской империи, поведении, манерах и привычках населения Дели и – шире – Северной Индии, о политических событиях XVIII в.

Мария Наджент (1771–1834) – супруга британского офицера, фельдмаршала сэра Джорджа Наджента (1757–1849) – находилась в Дели недолго, однако, ее дневники¹⁴ ценны тем, что она смогла наблюдать не только повседневную жизнь делийцев, но и посетить *дарбар* падишаха Акбара II. Леди Наджент подробно описывает Шахджаханабад, окрестности города, наиболее примечательные архитектурные сооружения, занятия населения.

Реджинальд Хебер (1783–1826) – английский епископ, путешественник, автор ряда поэтических произведений – в 1824 г. посетил Дели, где был представлен падишаху Акбар-шаху. В своих записках¹⁵ Хебер детально охарактеризовал общее состояние и примечательные памятники города, занятия делийцев, а также изложил впечатления от встречи с могольским правителем и его ближайшим окружением.

Описание делийского двора и, в частности, одного из *дарбаров* падишаха Бахадур-шаха II приводит русский путешественник, писатель и художник А.Д. Салтыков (1806–1859), совершивший несколько поездок по Индии в 1840-х гг. Свои «Письма из Индии»¹⁶ он писал на французском языке; на русском языке они были опубликованы в 1850 и – вторым изданием – в 1851 г.

¹³ *Lauriston Jean Law de. Mémoire sur quelques affaires de l'Empire Mogol, 1756–1761. Paris: E. Champion [etc], 1913; Lauriston Jean Law de. A Memoir of the Mughal Empire. Events of 1757–1761. Translated from the original French by G.S. Cheema. Delhi: Manohar, 2014.*

¹⁴ *Nugent Maria. A Journal from the Year 1811 till the Year 1815, including a Voyage to and Residence in India, with a Tour to the North-Western Parts of the British Possessions in that Country, under the Bengal Government. In Two Volumes. London: Printed by T. and W. Boone, MDCCCXXXIX [1839].*

¹⁵ *Heber Reginald. Narrative of a Journey Through the Upper Provinces of India; From Calcutta to Bombay, 1824–1825 (with Notes upon Ceylon), an Account of a Journey to Madras and the Southern Provinces, 1826, and Letters Written in India. Vol. I. Philadelphia: Carey, Lea & Carey, 1829.*

¹⁶ *Салтыков А.Д. Письма об Индии. М. Наука. 1985.*

В числе прочих материалов рассматриваемой группы источников следует выделить дневники и воспоминания англичан Дж. Мэтесона¹⁷, Дж. Балджера¹⁸ и американца Р. Минтерна¹⁹, посетивших Северную Индию и Дели в 1850–1860-х г. незадолго или сразу после Сипайского восстания 1857–1859 гг.

При написании диссертационной работы были использованы различные британские статистические ресурсы, в том числе газеттиры, результаты переписи и справочники по Индии и Дели XIX в.²⁰. Наиболее ранние разноплановые статистические данные приводятся в обзоре 1820 г. У. Гамильтона.²¹ Исследование (1820 г.) капитана Г.Б. Хендерсона по статистике смертности в Британской Индии²² содержит важные сведения по демографии населения, как страны в целом, так и в Дели в частности.

Особую ценность среди британских источников представляют работы Уильяма Хантера (1840–1900)²³, члена Индийской гражданской службы и вице-президента Королевского азиатского общества, которые в 1881 г. в сжатом виде вошли в 9 томов справочника “The Imperial Gazetteer of India”. Отдельным томом в 1886 г. вышло обновленное и расширенное описание Индии²⁴.

В качестве источников также использовались литературные произведения авторов, живших и писавших о Дели в рассматриваемый период. Сюда входят сочинения поэтов (Мира Таки Мира, Мирзы Галиба и др.), написанные в жанре

¹⁷ *Matheson John*. England to Delhi: a Narrative of Indian Travel. London: Longmans, Green, and Co, 1870.

¹⁸ *Bulger George E*. Notes of a Tour from Bangalore to Calcutta Thence to Delhi, and, Subsequently, to British Sikkim during the Early Part of 1867. Secunderabad: Regimental Press, 1869.

¹⁹ *Minturn Robert B., Jr.* From New York to Delhi, by Way of Rio de Janeiro, Australia and China. New York: D. Appleton & Co, 1858.

²⁰ *Waterfield Henry*. Memorandum on the Census of British India of 1871-72 Presented to Both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. London: Eyre and Spottiswoode for H. M. Stationery Office, 1875; *Murray John*. A handbook for travellers in India, Burma, and Ceylon (8th ed.). London: J. Murray; Calcutta: Thacker, Spink, & Co. 1911; The Imperial Gazetteer of India. New edition, published under the authority of His Majesty's secretary of state for India in council. Oxford: Clarendon Press, 1908–1931 [v. 1, 1909], vol. 11.

²¹ *Hamilton Walter*. A Geographical, Statistical, and Historical Description of Hindostan and the Adjacent Countries in Two Volumes. London: John Murray, 1820.

²² *Henderson H.B.* Results of an Enquiry Respecting the Law of Mortality, for British India // Asiatic Researches, XX. Calcutta: Printed at the Bengal Military Orphan Press, 1836. – P. 190–244.

²³ *Hunter W.W.* The Imperial Gazetteer of India. Vol. IV. London: Trübner & Co, 1885.

²⁴ *Hunter W.W.* The Indian Empire. Its people, History and Products. London: Trübner & Co, 1886.

шахр-е ашоб, а также некоторые художественные творения последних могольских падишахов (в частности, газели Бахадур-шаха II), в которых нашло отражение отношение правителей к могольской столице и к политической ситуации XVIII–XIX вв.

Наконец, важным источником для исследования делийских садово-архитектурных комплексов (могольских садов), которые следует рассматривать в качестве индикаторов роста, расцвета и упадка государства, послужили иллюстративные материалы и, прежде всего, произведения могольской миниатюрной живописи.

Степень научной разработанности темы

При исследовании специфики столичного города на этапе угасания Могольской империи был задействован широкий круг научных публикаций, которые можно подразделить на следующие группы.

Работы общеметодологического характера по истории Индии периода позднего Средневековья и Нового времени, в которых анализируются вопросы функционирования империи при Великих и Поздних Моголах, причины упадка Могольской империи в XVIII–XIX вв., роли знати в формировании и контроле политической ситуации на территории индийского субконтинента, а также особенности политической борьбы за делийский престол. Эти публикации задают общий историко-событийный контекст, необходимый для исследования роли и особенностей имперской столицы в рассматриваемую эпоху. Сюда следует отнести работы Л.Б. Алаева²⁵, К.З. Ашрафян²⁶, Е.Ю. Ваниной²⁷,

²⁵ Алаев Л.Б. Индия в XVI веке. Индия в XVII веке // Всемирная история. Т. 3. Мир в раннее Новое время. М.: Наука, 2013. – С. 350–361, 682–693; Алаев Л.Б. Средневековая Индия. СПб.: Алетейя, 2003.

²⁶ Ашрафян К.З. Феодализм в Индии: особенности и этапы развития. М.: Наука, 1977; Ашрафян К.З. Аграрный строй Северной Индии. XIII – середина XVIII в. М.: Наука, 1965; Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30-40-х годов XVIII века. М.: Издательство восточной литературы, 1958.

²⁷ Ванина Е.Ю. Лагерь – столица, шатер – дворец // Под небом Южной Азии. Движение и пространство. Парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности. М.: Наука – Восточная литература, 2015. – С. 205–218; Ванина Е.Ю. Идеи и общество в Индии XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1993; Ванина Е.Ю. Средневековое мышление: индийский вариант. М.: Восточная литература, 2007.

З. Малика²⁸, Дж.Н. Саркара²⁹, П. Спелара³⁰, Дж.Ф. Ричардса³¹, И. Хабиба³², С. Чандры³³.

Обобщающие работы по городским исследованиям и исторической урбанистике позволяют понять, как соотносятся ключевые вопросы изучения истории южно-азиатских городов с географически более широким исследовательским полем, а также с современными концепциями в указанной области. Для диссертационного исследования интерес представляет публикация «Город как социокультурное явление исторического процесса», авторы которой рассматривают как общетеоретические, так и конкретно-региональные проблемы роли города³⁴. Исследования З.Н. Галич³⁵ посвящены проблемам города и урбанизации на Востоке и вопросам их глобально-исторической динамики.

Исследования по истории и культуре Дели, а также других индийских городов. История индийских городов в полном объеме изучена пока недостаточно, но последние десятилетия продемонстрировали рост интереса к этой тематике; прежде всего это касается зарубежных исследователей.

Из известных отечественных исследований, посвященных индийскому городу, следует особо отметить книгу К.З. Ашрафян «Средневековый город Индии XIII – середины XVIII века»³⁶. Автор рассматривает город как место концентрации населения, ремесла и торговли, а также как средоточие военно-административной власти феодалов; в монографии приводится анализ специфики социальной и кастовой структуры городского населения, рассматриваются вопросы городского управления, налогового обложения и торговли. Второе исследование К.З. Ашрафян

²⁸ *Malik Z. A Mughal Statesman of the Eighteenth Century. Khan-i-Dauran Mir Bakhshi of Muhammad Shah 1719–1739. Aligarh Muslim University: Asia Publishing House, 1973.*

²⁹ *Sarkar J.N. Fall of the Mughal Empire. N.D. Orient BlackSwan, 2007.*

³⁰ *Spear Percival. Twilight of the Mughuls. Studies in Late Mughuls Delhi. N.D: Munshiram Manoharlal, 1991.*

³¹ *Richards J.F. The Mughal Empire (The New Cambridge History of India). Cambridge: Cambridge University Press, 1995.*

³² *Habib I. The Agrarian System of Mughal India (1556–1707). 2nd. Edition. N.D.: OUP, 2000.*

³³ *Chandra S. Parties and Politics at the Mughal Court 1707–1740. N.D: OUP, 2002.*

³⁴ Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995.

³⁵ *Галич З.Н. Восточный город – традиционный, колониальный, современный – как субъект цивилизационного процесса. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2011; Галич З.Н. Город в динамике структурирования исторического пространства // Мир психологии. – 2012. – № 4. – С. 96–107.*

³⁶ *Ашрафян К.З. Средневековый город Индии XIII – середины XVIII века. М.: Наука, 1983.*

– «Дели: история и культура»³⁷ – фокусно посвящено Дели. Базируясь на данных персоязычных и иных источников, автор рассмотрела историю возникновения города, его интенсивного экономического, политического и культурного роста в период средневековья.

Из немногочисленных отечественных работ, посвященных проблематике южно-азиатских городов, следует выделить две монографии А.А. Суворовой, посвященные Лахору и Лакхнау³⁸. Для диссертанта особенно важным представляется ракурс этих исследований: А.А. Суворова рассматривает Лахор и Лакхнау в контексте анализа физиологического, эстетического и эмоционального восприятия человеком окружающего его пространства – через понятие топофилии, определяемой как «эмоциональная связь между людьми и местом их обитания»³⁹.

Исследования истории Дели зарубежными учеными часто ведутся в русле экистики – теории формирования и развития человеческих поселений, разработанной в 1950–1960-х годах греческим архитектором и градостроителем К.А. Доксиадисом⁴⁰. Исследователи обращаются к проблеме городского морфогенеза (Н.С. Хасан⁴¹), наиболее детально рассматривая Старый Дели, или Шахджаханабад (Р. Фонсека⁴²) – город, построенный по плану и подчиненный определенной логике: он изначально был запланирован своим создателем, императором Шах-Джаханом, в качестве имперской столицы. Дели также нередко рассматривается в качестве мусульманского города; так, например, Э. Элерс и Т. Краффт⁴³, обращаясь к городской планировке Старого Дели, выясняют, насколько близко модель Дели соответствует модели города исламского мира.

³⁷ *Ашрафян К.З.* Дели: история и культура. М.: Наука, 1987.

³⁸ *Суворова А.А.* Любить Лахор. Топофилия восточного города. М.: Восточная литература, 2009; *Суворова А.А.* Ностальгия по Лакхнау. М.: АО Тадем, 1995.

³⁹ *Yu-Fu Tuan.* Topophilia: A Study of Environmental Perceptions, Attitudes, and Values. N.Y.: Columbia University Press, 1990. P. 121.

⁴⁰ *Doxiadis C.A.* Ekistics: An Introduction to the Science of Human Settlements. New York: Oxford University Press, 1968.

⁴¹ *Hasan Nurul S.* The Morphology of a Medieval Indian City: A case study of Shahjahanabad // *The City in Indian History. Urban Demography, Society, and Politics.* Ed. by Indu Banga. Manohar, 1994. – P. 87–98.

⁴² *Fonseca R.* The Walled City of Old Delhi // *Ekistics.* – 1971. – Vol. 31. – № 182. – P. 72–80.

⁴³ *Ehlers E., Krafft Th.* The Imperial Islamic City: A Map of 19th Century Shahjahanabad // *Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre.* Rome: Dell'oca Editore, 1993. – Vols 1–2. – P. 170–179.

Японский исследователь К. Аизука⁴⁴ анализирует городскую пространственную структуру Старого Дели в тесной связи с «ритуальным движением» и приходит к выводу, что Дели был спроектирован и построен как «идеальный город» – ограниченное пространство, наделенное смыслом и наполненное символами.

Американский исследователь С. Блейк⁴⁵ изучает позднесредневековый индийский город Шахджаханабад как «суверенный город». Азиатские средне- и позднесредневековые города часто управлялись таким образом, что сами становились символами власти и влияния, которые император впоследствии распространял на все свое государство. Соответственно, «суверенные города» становились своего рода империей в миниатюре.

Описание ряда аспектов урбанизации эпохи Великих Моголов приводит Х.К. Накви⁴⁶; при этом в ее работах заметна известная идеализация Могольской экономики и преувеличение темпов её развития⁴⁷.

Теме живой истории индийских городов эпохи Нового времени посвящено очень незначительное количество работ. Большинство исследователей интересуются городами как экономическим явлением, рассматривая почти исключительно их роль в развитии торговли и ремесла; исследования, посвященные средним и малым городам, практически отсутствуют. Отдельные аспекты историко-культурного развития Дели в позднемогольскую эпоху также рассматриваются в работах Ш.М. Ченой⁴⁸, Г.С. Чимы⁴⁹, С. Чандры⁵⁰, Т. Крафта⁵¹, У. Далримпла⁵².

⁴⁴ *Iizuka K.* The Shah Jahan's Concept of Town Planning in Delhi // *Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre*. Rome: Dell'oca Editore, 1991. – Vols 1–2. – P. 30–35.

⁴⁵ *Blake S.P.* Shahjahanabad: The Sovereign City in Mughal India, 1639–1739. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

⁴⁶ *Naqvi H.K.* Urbanisation and Urban Centers under the Great Mughals (1556-1707). An Essay in Interpretation. Vol.1, Simla: Indian Institute of Advanced Study, 1972; *Naqvi H.K.* Urban Centres and Industries in Upper India. 1556–1803. Bombay: Asia Publ. House, 1968.

⁴⁷ *Habib I.* The Economic History of Medieval India // *Survey of Research in Economic and Social History of India*. Delhi: Ajanta Publications, 1986. P. 128.

⁴⁸ *Chenoy Shama Mitra.* Shahjahanabad. A City of Delhi, 1638–1857. New Delhi: Munshiram Manoharlal, 2015.

⁴⁹ *Cheema G.S.* The Forgotten Mughals. A History of the Later Emperors of the House of Babar (1707–1857). New Delhi: Manohar, 2002.

⁵⁰ *Chandra S.* Parties and Politics at the Mughal Court 1707–1740. New Delhi: OUP, 2002.

В диссертации (Глава 2.3) поднимается вопрос об эмоционально-чувственном восприятии могольской столицы иностранными путешественниками, посетившими Дели в интересующий нас период. Данные исследования проводились в контексте эмоционального «поворота» или «переворота» (affect turn / revolution) – нового направления в гуманитарных науках, позволяющего исследователям уточнять представления о природе и роли эмоций в жизни общества. Тенденция проведения исследований в русле эмоционального «поворота» набирает популярность среди историков, которые с конца XX в. обратились к изучению как значимости эмоций в истории, так и истории эмоций (В. Редди⁵³; Б. Розенвейн⁵⁴; Т. Зелдин⁵⁵; Я. Плампер, Ш. Шахад и М. Эли⁵⁶ и др.), исходя из того, что постижение исторического процесса едва ли может быть всесторонним и полным, если игнорировать эмоционально-чувственные аспекты бытия.

Уделяя особое внимание так называемым универсальным базовым эмоциям (обычно к ним относят счастье, печаль, отвращение, удивление, гнев, страх), для которых характерна лицевая «считываемость» (П. Экман⁵⁷, С. Томкинс⁵⁸) историки и социологи стали подвергать критике представления психологов, рассматривавших эмоции человека как «вечные» биологические данности и полагавших, что они, являясь непреднамеренными физическими реакциями, никак не связаны со знаниями или представлениями об объектах в мире. В этой связи

⁵¹ *Krafft Thomas*. Von Shahjahanabad zu Old Delhi: Zur Persistenz islamischer Strukturelemente in der nordindischen. Sankt Augustin: Asgard-Verlag, 1999.

⁵² *Dalrymple William*. The Last Mughal. The Fall of a Dynasty, Delhi, 1857. New Delhi, Penguin Books, 2007.

⁵³ *Reddy W.* The Navigation of Feeling: Framework for the History of Emotions. N.Y.: Cambridge University Press, 2001.

⁵⁴ *Rosenwein B.H.* Worrying about Emotions in History // *The American Historical Review*. – 2002. – Vol. 107. – P. 821–845; *Rosenwein Barbara H.* Problems and Methods in the History of Emotions // *Passions in Con-text: International Journal for the History and Theory of Emotions*. – 2010. – № 1. – P. 1–32.

⁵⁵ *Zeldin Theodore*. Personal History and the History of Emotions // *Journal of Social History*. – 1982. – № 15. – P. 339–347.

⁵⁶ *Плампер Я., Шахад Ш., Эли М.* (ред.). Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

⁵⁷ *Экман Пол*. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб: Питер, 2010.

⁵⁸ *Tomkins S.S.* Affect, Imagery, Consciousness (2 vols). New York: Springer Publishing Company, 2008.

особое звучание приобрело исследование Н. Элиаса⁵⁹, который еще в конце 1930-х годов утверждал, что «цивилизация» и властные отношения в европейском обществе были сконструированы вокруг непрерывного регулирования эмоций. Хотя ряд выводов Элиаса был впоследствии подвергнут критике, тем не менее, его исследование показало, что роль аффектов и эмоций в истории человеческого общества не является исключительно эпифеноменальной (Д. Леммингс и А. Брукс⁶⁰), и способствовало повышению интереса к их изучению.

Не отрицая общей биологической природы чувствования, историки и представители других гуманитарных наук не рассматривают эмоции как проявления стихийного и иррационального и признают, что эмоции оценивают, направляют и оправдывают поведение индивидов в социуме и истории (С. Ахмед⁶¹), а движимые общими чувствами коллективы создают «аффективные сообщества», функционально аналогичные «воображаемым» (Б. Андерсон⁶²). Иными словами, эмоции рассматриваются в привязке к ценностям и убеждениям как историко-культурные практики, отличающиеся собственной политикой, изобретенными смыслами и просчитываемыми стратегиями. Такой подход позволил автору настоящей диссертации предложить новый ракурс в осмыслении истории Дели в позднемогольскую эпоху.

Отдельно следует выделить блок исследований, напрямую или опосредованно касающихся феномена могольских садов – садово-архитектурных комплексов Дели, изучение которых необходимо для анализа историко-культурных традиций Могольской империи на этапе ее заката в XVIII – первой половине XIX вв.

В настоящей диссертации анализ феномена могольских садов (Глава 3.2) проводится в контексте исторического исследования, объектом которого является столичный город Дели в позднемогольскую эпоху. Садово-архитектурные комплексы – часть пространства, накапливающего время и символику – рассматриваются автором через понятие *хронотопа*, который определяется как

⁵⁹ Elias Norbert. The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations. Revised edition. Oxford: Blackwell, 2000.

⁶⁰ Lemmings D., Brooks A. Emotions and Social Change: Historical and Sociological Perspectives. New York: Routledge, 2014.

⁶¹ См. Ahmed Sara. The Cultural Politics of Emotions. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004.

⁶² См. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

«закономерная связь пространственно-временных координат» (А.А. Ухтомский⁶³), а также через понятие *гетеротопии*, т.е. «иное место по отношению к обычным культурным пространствам» (М. Фуко⁶⁴).

В гуманитарную сферу термин «хронотоп» ввел философ и культуролог М.М. Бахтин⁶⁵, для которого в этом понятии было важно выражение неразрывности пространства и времени. Среди историков понятие хронотопа использовал А.Я. Гуревич⁶⁶.

В качестве важного направления, дающего представление о проблематике изучения садово-паркового искусства, следует отметить исследования литературоведа и культуролога Д.С. Лихачева⁶⁷. Для диссертационного исследования важен его тезис о том, что сады следует рассматривать комплексно, в связи с «эстетическим климатом» эпохи⁶⁸, т.е. подходить к садовым стилям как к проявлениям художественного сознания определенной эпохи и страны.

Среди современных исследований практически отсутствуют труды, в которых феномен могольских садов рассматривался бы в историческом контексте всей Могольской эпохи – от ее расцвета в правление Великих Моголов (сер. XVI – XVII вв.) до заката при Поздних Моголах (XVIII – сер. XIX вв.). При этом существует немалое количество искусствоведческих и культурологических работ по могольским садам, написанных отечественными и зарубежными авторами. Большинство таких исследований посвящены вопросам планировки и символики садов и/или расположенных в них отдельных архитектурных памятников; как правило, хронологические рамки этих работ достаточно узки.

Из методологически значимых искусствоведческих и культурологических исследований по проблемам могольских садово-архитектурных комплексов

⁶³ Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 347.

⁶⁴ Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть. Часть 3. Статьи и интервью 1970–1984. М.: Праксис, 2006. – С. 191–204.

⁶⁵ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.

⁶⁶ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.

⁶⁷ Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб.: Наука, 1991; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.

⁶⁸ Лихачев Д.С. Поэзия садов. Указ. соч. С. 7.

выделяются труды А.А. Суворовой⁶⁹, Э. Кох⁷⁰, Дж. Уэскота⁷¹, К. Эшер⁷². Тем не менее, садово-архитектурные комплексы как системный элемент культурной жизни позднемогольской эпохи и ее столицы также остаются недостаточно изученными. В настоящей диссертационной работе сделана попытка частично восполнить этот пробел.

Апробация результатов исследования. Рукопись диссертации обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. Основные идеи и результаты диссертационного исследования отражены в десяти публикациях, из них три – в журналах из перечня изданий, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.03 – Всеобщая история, и одна – в журнале из перечня изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения, которое содержит таблицы, картографические и иллюстративные материалы, а также словарь терминов.

Во **введении** обосновывается выбор темы диссертационного исследования и ее актуальность; обозначается постановка проблемы в исследовании, сформулированы основные цели и задачи, поставленные для их раскрытия; обосновывается научная новизна, практическая ценность исследования и актуальность проблемы. Также во введении определяются предмет и методология

⁶⁹ *Суворова А.А.* Могольские сады: образ рая, символ власти // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2009. – № 6. – С. 28–38.

⁷⁰ *Koch E.* Mughal Palace Gardens from Babur to Shah Jahan, 1526-1648 // *Muqarnas XIV: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World.* Gülru Necipoglu (ed). Leiden: E.J. Brill, 1997. P. 143–165; *Koch E.* The Mughal Waterfront Garden // *Gardens in the Time of the Great Muslim Empires: Theory and Design*, edited by Attilio Petruccioli, Leiden; New York: E.J. Brill, 1997. – P. 140–160.

⁷¹ *Westcoat James L., Jr.* Mughal Gardens: The Re-emergence of Comparative Possibilities and the Wavering of Practical Concern // *Perspectives on Garden Histories* edited by Michel Conan. Washington, D.C., 1999; *Westcoat James L., Jr.* Gardens of Conquest and Transformation: Lessons from the Earliest Mughal Gardens in India // *Landscape Journal.* – 1991. – 10(2). – P. 105–114.

⁷² *Asher Catherine B.* Babur and the Timurid Char Bagh. Use and Meaning // *Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre.* – 1991. – 1-2. – P. 46–55.

исследования, дается обзор и характеристика источников. В историографическом разделе исследования показывается степень изученности выбранной темы и сделаны выводы о целесообразности дальнейшего более глубокого изучения этой проблемы в пределах установленных хронологических рамок.

В **первой главе** («Борьба за позднегогольскую столицу: особенности политического противостояния в Северной Индии (XVIII – первая половина XIX вв.)» приводятся сведения о новой фазе истории Могольской империи в целом и Дели в частности.

После смерти в 1707 г. падишаха Аурангзеба начался быстрый закат Могольской империи. Первая четверть XVIII в. была ознаменована политической нестабильностью и борьбой наследников за престол. Поздние Моголы попадали под влияние различных враждующих клик, министров, регентов. Так, влиятельные братья-сайиды возводили и свергали с делийского престола падишахов по своей прихоти.

При падишахе Мухаммад-шахе (1719–1748) Дели удалось получить некоторую передышку от бесконечной череды смены правителей и политических заговоров. Однако, несмотря на долгий период правления, Мухаммад-шах не смог вернуть могольской империи ее мощь и славу, и к середине XVIII в. Могольская империя окончательно прекратила свое существование как сильная и суверенная держава. Под контролем могольских правителей Ахмад-шаха (1748–1754), Аламгира II (1754–1759) и Шах-Алама II (1759–1806) оставалась сравнительно небольшая территория вокруг столичных городов Дели и Агры.

В 1803 г. Дели был захвачен британцами, ведшими войны с маратхами, и правитель Дели перешел под покровительство англичан. Поздние Моголы оказались заложниками британцев, и такая ситуация сохранялась до тех пор, пока последний из Моголов Бахадур-шах II (1837–1857) не был официально низложен и депортирован из Индии в 1858 г.

Внутренние распри и череда нашествий и грабежей оставили свой след в жизни города, негативно сказываясь на внешнем облике Дели, его экономическом положении, численности и уровне жизни населения. Однако Дели продолжал сохранять свое символическое значение в качестве исторического имперского

центра и воплощения могольской власти, а с ликвидацией Могольской империи – власти в масштабах Индии в целом.

Во **второй главе** («Символ власти на закате империи: историко-культурная среда Дели и ее восприятие “чужими”») анализируется специфика социального развития столичного города в XVIII–XIX вв.: рассматривается проблема определения численности населения Дели, этнорелигиозный состав делийцев и некоторые аспекты социально-экономического развития города, в частности, повседневной жизни и занятий делийцев.

В эпоху пребывания у власти Поздних Моголов Дели по численности населения смещается со своих лидирующих позиций, превращаясь из густонаселенной столицы в город со средним количеством жителей. Сокращение числа делийцев происходило как за счет истребления населения в ходе нашествий иностранных завоевателей, так и оттока жителей в другие места в поисках лучшей жизни. Этническое и конфессиональное разнообразие обитателей города Дели, определявшее его особую, неповторимую атмосферу, оставалось относительно неизменным. О религиозной специфике Дели пишут практически все европейцы, посещавшие город в рассматриваемый период, обращая первостепенное внимание на две основные религиозные группы (индусы и мусульмане).

Заключительный раздел главы посвящен особенностям эмоционально-чувственного восприятия угасающей столицы «чужими» – иностранными путешественниками, посетившими Дели в середине XIX столетия. Анализ испытанных путешественниками эмоций и чувств по отношению к посещенным местам в Дели и его окрестностях помогает восстановить картину их восприятия восточного города, а также определить степень значимости Дели в жизни Индии рассматриваемого периода. Иностранцы стремились собственными глазами посмотреть на главный город некогда великой Могольской империи, о котором были наслышаны. Увиденное, однако, мало соответствовало их завышенным ожиданиям. Иностранцы, посещавшие Дели с конца 1850-х годов, отмечали, что с началом Сипайского восстания (1857) жизнь города, как и его общая атмосфера, стала радикально меняться – и не в лучшую сторону. Эмоции и чувства, испытываемые путешественниками по отношению к увиденному, свидетельствуют

о колоссальном разрыве между представлениями чужеземцев о Дели (и в целом об Индии) и реальной обстановкой.

Третья глава («Дели как центр сложносоставной культуры Северной Индии: продолжение и развитие могольских традиций») фокусируется на специфике развития изящных искусств (литературы, музыки, миниатюрной живописи) в столичном городе во время упадка Могольской империи.

Несмотря на политические потрясения, в культурной среде города не наблюдается явной деградации и упадка. С одной стороны, развитие продолжалось по инерции, когда сохранялись черты «классической» культуры эпохи Великих Моголов; с другой, плачевное состояние империи находило отражение в художественных и литературных работах, что, в свою очередь, привело к возникновению новых стилей и форм.

В третьей главе также рассматриваются следующие вопросы: концепция *чар-бага* в садово-архитектурных комплексах Индии, функции могольских садов и феномен их временной трансформации; сад как отражение упадка Могольского государства и значение садово-архитектурных комплексов в истории могольской столицы. На примере садово-архитектурных комплексов (могольских садов) анализируется специфика культурных традиций Могольской империи на этапе ее заката в XVIII – первой половине XIX вв.

В **заключении** сформулированы выводы, сделанные автором в результате исследования источников по теме «Дели в эпоху Поздних Моголов: проблемы социокультурного развития».

Правление Поздних Моголов (XVIII – первая половина XIX вв.) после кончины падишаха Аурангзеба чаще всего преподносится исследователями в негативном ключе. Стереотип об эпохе Поздних Моголов как о периоде всеобщего распада и культурной деградации был навязан еще колониальной ориенталистикой. Говоря об эпохе Поздних Моголов, мы стремились отойти от традиционно-негативной оценки данного времени, и преодолеть стереотипное восприятие могольской истории и культуры XVIII–XIX вв. как периода тотального упадка.

Политическая ситуация в государстве Поздних Моголов указывала на поступательное нарастание кризиса и распада империи, а также на утрату могольскими падишахами фактической власти. За независимость от Дели и

самостоятельность выступали наместники и *навабы*, а на окраинах империи за независимость от столицы и власти могольского правителя успешно боролись разные этнические и этнорелигиозные группы, прежде всего, маратхи и сикхи. Делами империи, как внутренними, так и внешними, стали заправлять регенты и министры; самим же Поздним Моголам доставалась роль безынициативных марионеток на престоле. К середине XVIII в. территории, находившиеся под непосредственным контролем Поздних Моголов, сократились до областей вокруг Дели и Агры. После захвата Дели войсками британской Ост-Индской компании в 1803 г. власть Моголов стала номинальной: падишах и его семья оказались на пенсионном содержании англичан, а территория «повелителя Дели» ограничилась стенами Красного форта.

Однако, несмотря на негативные стороны правления позднемогольских правителей и на события, отрицательно сказавшиеся на авторитете власти Моголов, Дели не остановился в своем развитии и не потерял статус символа власти. Хотя Поздние Моголы были на содержании Ост-Индской компании, и влияние их в Северной Индии было минимальным, Дели продолжал восприниматься местным населением как важный властный и культурный центр, а падишах – как «истинный» правитель Хиндустана. Итоговое решение англичан о переносе столицы из Калькутты в Дели в 1911 г. было обосновано, помимо прочего, тем, что таким образом лишний раз подчеркивался императорский и имперский характер британской власти; к тому же визуально закреплялась идея преемственности между могольскими падишахами и британскими монархами. Так, в XVIII–XIX вв. влияние могольской столицы из сферы практической перешло в сферу символическую.

В представлении многих чужеземцев Дели XVIII–XIX вв., несмотря на все политические перемены в стране, оставался богатым и процветающим городом. Иностранные путешественники стремились посетить могольскую столицу, чтобы лично убедиться в ее величии и красоте. Однако, исследуя Дели, путешественники испытывали не только и не столько восхищение, сколько разочарование, поскольку представавшая перед ними реальность, в первую очередь могольские строения, о которых они ранее слышали самые восторженные отзывы, далеко не всегда оправдывали завышенных ожиданий: сказывались влияние времени, а затем и

последствия Сипайского восстания 1857–1859 гг., которое лишь подтвердило нежизнеспособность Могольской империи. Проанализировав особенности визуального и чувственно-эмоционального восприятия Дели иностранными путешественниками, увидевшими Северную Индию и столицу Могольского государства в рассматриваемый период, можно сделать вывод о том, что, по мнению иностранцев, общий вид города свидетельствовал о безвозвратной утрате былого могущества могольскими правителями.

Об упадке могольской столицы свидетельствуют демографические данные и сведения об изменениях в социально-экономическом положении города. В эпоху пребывания у власти слабых преемников Аурангзеба за относительно короткий исторический период с 1707 по 1857 гг. количество обитателей Дели сократилось от полумиллионного населения до примерно 150 тыс. человек. Положительная динамика в росте населения города заметна с появлением в городе британцев со второй половины XIX в. При этом этнорелигиозный состав делийцев на протяжении полутора столетий оставался практически неизменным.

Безотносительно того, что столица, как и вся Могольская империя, прошла через череду политических потрясений и испытала на себе последствия нашествий иноземных захватчиков, Дели продолжал оставаться центром композитной культуры и примером для подражания. Этническое и конфессиональное многообразие столицы определяло ее особую атмосферу. Также город по-прежнему оставался крупным центром обмена товарами с другими областями Индостана и с другими странами. По состоянию базаров и улочек Дели можно было наблюдать за изменениями, происходившими в столице. Во время нашествий иноземных захватчиков жизнь в городе замирала, однако это явление было временным. В целом повседневный образ жизни делийцев не претерпевал значительных изменений.

Несмотря на политический упадок государства, в культурной жизни столицы имели место позитивные изменения, которые наблюдались при разных позднемогольских правителях. В литературе наметился поворот к использованию урду вместо фарси в качестве основного языка. В XVIII в. за пределами Дели стал известен живописный делийский стиль *дели калам* (урду *دہلی قلم*), носителями которого были покинувшие столицу художники. К XIX в. под воздействием

европейцев делийский стиль живописи трансформировался, абсорбируя некоторые черты британского живописного искусства. Впоследствии такой стиль получил еще большее распространение за пределами Дели и обрел название *кампани калам* (урду *کمپنی قلم* / «стиль [Ост-Индской] компании»). Невзирая на относительно стесненное материальное положение Поздних Моголов, падишахи, а также зажиточные делийцы старались спонсировать развитие изящных искусств. Европейские путешественники постоянно обращали внимание на то, что при дворе могольских правителей работали также чужеземные мастера. В целом, хотя политическое влияние Дели и ослабло, город продолжал восприниматься региональными правителями как эталонная культурная модель, за которой сохранялось право устанавливать стандарты в разных сферах. Таким образом, «центральность» Дели приобрела символический характер.

Важное место в жизни Могольской империи и столичного города занимали особые окультуренные пространства – садово-архитектурные комплексы, которые могут рассматриваться как индикаторы роста, расцвета и упадка Могольской империи. В эпоху Поздних Моголов функции архитектурно-ландшафтных комплексов отличались от тех, что были свойственны им в предшествовавший период. При первых из Великих Моголов сад, разбиваемый лично правителем, нес в себе множество различных функций, наиболее значимой из которых было «столбление» территории. К XVII в. в силу ряда причин необходимость в подтверждении своего права на власть путем сооружения садов отпала, и на первое место вышли рекреационные и погребальные функции садов. В позднемогольский период крупные садово-архитектурные комплексы, такие как гробницы Хумаюна и Сафдарджанга, имели большое значение в жизни Дели: территории садов могли использоваться в качестве земель для выращивания сельскохозяйственных культур, а также в качестве укрепленных убежищ во время нашествий иноземных захватчиков. Немалую роль в истории Дели XVIII – первой пол. XIX вв. играли могольские сады, которые не сохранились до наших дней в первоначальном виде или же были полностью утрачены (сады Шаламар, *Кудсия-баг*, *Роушанара-баг*, *Бегам-баг*).

Представленный в настоящей работе материал позволяет сделать вывод о том, что эволюция садово-архитектурных комплексов отражает перемены,

происходившие в политической, экономической и культурной жизни позднемогольской империи. По качеству ухода за садами, объемам средств, тратившихся на их возведение и содержание, можно судить об общем состоянии государства. Повсеместный упадок и запустение садов в XVIII – XIX вв. были следствием распада Могольской империи и свидетельством утраты могущества ее правителями. Таким образом, садово-архитектурные комплексы, сооруженные Моголами на территории индийского субконтинента, вполне могут рассматриваться в качестве индикаторов изменения состояния империи.

Изучаемый период можно назвать довольно противоречивым с точки зрения специфики социокультурных перемен, происходивших в государстве Моголов и, в частности, в столичном городе. Периоды упадка и разрухи Дели чередовались с последующими волнами развития и культурного подъема. События, происходившие в позднемогольском государстве, также представляли собой подготовительный этап к тем изменениям, которым столичный город стал подвергаться в эпоху британского владычества.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

В рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3. Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

1. Козлова А.А. Закат империи – упадок столицы. Об эмоционально-чувственном восприятии Дели европейскими путешественниками XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2016. – № 3. – С. 62–74.
2. Козлова А.А. Садово-архитектурные комплексы как индикатор состояния Могольской империи // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2017. – № 3. – С. 46–60.
3. Козлова А.А. Могольское архитектурное наследие в современном Дели: усыпальница Хумаюна // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 6. – С. 65–68.

В российских рецензируемых научных журналах из перечня ВАК при Министерстве образования и науки РФ:

4. Козлова А.А. Политический упадок vs культурный подъем позднегогольской столицы: Дели в правление Мухаммад-Шаха (1719–1748) // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2017. – Том 13. – №1. – С. 25–38.

Публикации в прочих изданиях:

5. Козлова А.А. Дели в правление Мухаммад-шаха (1719–1748) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2016.
6. Козлова А.А. Город в упадке? Дели середины XIX в. по свидетельствам иностранных путешественников // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» Отв. ред.

- А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2015.
7. *Козлова А.А.* Проездом в Дели. Восторг и печаль европейских путешественников XIX в. // Под небом Южной Азии: стыд и гордость. Программа и тезисы. [Электронный ресурс] – М.: ИВ РАН, 2015. – Режим доступа: <http://www.ivran.ru/pnuu>
 8. Бала Дубе. Страсти и добродетели столичных закоулков. Перевод с научным комментарием А.А. Козловой // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств. М.: Наука – Восточная литература. – 2016. – С. 482–494.
 9. Кхушвант Сингх. Отношения с Дели: парадоксы любви и ненависти. Перевод с научным комментарием А.А. Козловой // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств. М.: Наука – Восточная литература. – 2016. – С. 495–504.
 10. Сэм Миллер. В плену мегаполиса. Перевод с научным комментарием А.А. Козловой // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств. М.: Наука – Восточная литература. – 2016. – С. 506–530.